

Том 2. Вечно зелен, растет кипарис на вершине горы. Недвижимы, лежат камни в горном ущелье в реке.*

*Название третьего стихотворения, входящего в «Двенадцать древних стихотворений»

Перевод: Эйдлин Л.З.

Глава 39. Тревожное путешествие. Начало

Пламя было до небес, порождая клокочущий черный дым, оно окрашивало небо в кроваво-красный цвет. Овраг был глубоким, лесная чаща густой, а крики гибнущих людей сотрясали воздух, впереди охрана с домашними слугами из резиденции Чэн всеми силами преграждала путь хлынувшему валу из все прибывающих «мятежников».

В действительности Шаошан не знала, были ли они разбойниками или пришедшими остатками разбитых войск, потому что их окровавленные доспехи и одежда выглядели так, как будто их чем-то залили.

Сейчас на земле лежащий при смерти разбойник издавал слабые стоны. Она посмотрела на него и узнала в нем человека, который некоторое время назад размахивал большим ножом и, неистово крича на женщин ее семьи, атаковал их, повернув голову к охраннику, она сказала:

-Здесь еще один, - охранник, получив приказ, подошел и безжалостно ударил его ножом несколько раз, с тихими ужасающими стонами и незначительными брызгами крови не стало еще одной жизни. Амидофу.

Менее полугода назад Шаошан пусть и была немного ветреной и оригинальной, но все-таки ее моральные ценности были как у обычной молодой женщины, сталкиваясь с тараканом, мышью или чем-то подобным, она издавала несколько бессмысленных звуков, сейчас же видя повсюду оторванные конечности и трупы, она уже даже не хмурила свои брови.

Она опустила взгляд, осматривая себя, - этот темного цвета наряд, щедро затканый парчой и обшитый по краям ярким кантом, - мужская повседневная одежда - только-только несколько дней назад был переделан Сан-ши, в нем она должна была идти смотреть соревнования по цуцзюй, но сейчас одеяние было запятнано кровью. Обильный пот стекал по затылку на спину, ее нежное и тонкое нижнее белье прилипло к телу, отсыревшее, в нем было нестерпимо холодно - как говорят, радовалась раньше времени, это меткая характеристика того, что было перед ее глазами.

В тот день, когда она прогнала молодого господина Лоу, совершившего ошибку, весь кортеж отправился на восток, всю дорогу был весьма примечательный пейзаж - в те несколько дней небо было ясным и не шел снег.

Они даже не покинули Сили, а раны Шаошан от батога почти прошли. Она была немного озадачена, в прошлой жизни после драки в кости ее руки появилась маленькая трещина, которая была не такой болезненной и невыносимой, как удар палкой, но даже тогда она лечилась половину семестра. Почему же на этот раз прошло шесть или семь дней и она практически выздоровела?

Возможно ли, что этот ее организм более здоровый? В таком случае почему у нее так долго была свиная голова? Ведь и сейчас и тогда они использовали одно и то же лекарственное средство. Размышляя немало дней, Шаошан в конце концов пришла к выводу, что сила ее организма проявляется в основном в мышцах и костях, а не в кожном покрове.

Образно выражаясь, если бы она испытывала насилие в семье, вероятнее всего она была бы изуродована. Хотя и можно было бы вступить в группу по самообороне и рукопашному бою, выучившись на мастера и вернувшись потом бороться с избиениями, а потом огрызаться: «Дядя JC*, тебе при виде моего лица все еще ничего не ясно?» Ха! Почему же она, взявшись за дурное дело, так легко использует свой мозг?

*JC 警 jǐngchá - краткое название полицейских на пиньинь.

Помимо этого она обнаружила, что к ее телу прилагается прирожденный талант музыканта.

В то время, когда Шаошан взяла поперечную флейту, она еще немного боялась, потому что в прошлой жизни на факультативном курсе по музыкальным инструментам ее именовали не иначе, как «терзающей ножовкой анус», откуда же было знать, что Сан-ши за несколько дней обучит ее по сокращенной программе? При этом ее пальцы как будто автоматически понимали и постигали, а простая «Мелодия ветвей бамбукового дерева» мелодично и живо игралась – если так посмотреть, то гены пожилого господина Чэна явно не были потрачены впустую, когда в будущем она разбогатеет, то в часы досуга будет исполнять «Высокие горы и текущие воды»* и тому подобное, развивая свою духовную культуру на X делений с утра до вечера, чтобы не быть неграмотным человеком.

*高山流水 gāoshānliúshuǐ - одна из знаменитых мелодий древности, по легенде созданная великим мастером игры на цине Боя.

Окончательно уверившись в ее неплохой основе, Сан-ши начала первоначальную ступень обучения – дыхательные упражнения и совершенствование ци, следя за тем, чтобы дыхание девушки было равномерным и долгим. Чтобы добиться этой цели, Сан-ши стала требовать от Шаошан, чтобы она ежедневно ездила верхом на лошади, ходила пешком, поддерживала хороший сон и умеренно питалась. Иногда это изматывало так, что вне зависимости от того в открытом ли поле разбивали лагерь или же тряслись в экипаже, Шаошан была способна уснуть, лишь коснувшись головой подушки. Такое послушание для Сан-ши было очень большим сюрпризом, она все же ошибочно считала, что придется порядочно потратить сил и способностей, указывая и воспитывая.

В этот день, уже в ночное время, Сан-ши сказала мужу:

-Как ты думаешь, нужно ли нам поискать нескольких смысленных детей и послать их Цянь Цзэну для обучения его мастерству? По-видимому, в будущем это будет необходимо, – как говорят, будь то кнут или пряник, но нужна жесткая встряска, только тогда будет добрый результат.

Чэн Чжи сразу же стал ясен смысл в словах жены, его взгляд скользнул в том направлении, где были установлены два шатра для Чэн Вэй и близнецов, и долгое время спустя он сказал:

-...я говорю, можем ли мы с тобой больше думать о хорошем? Возможно нашим детям это ни к чему?

Сан-ши ничего не говорила, спокойно смотря на мужа. Чэн Чжи погладил нос и сказал:

-Но тяжело найти талантливых людей, чтобы избежать, чтобы такое мастерство не дошло до потомков, нам бы следовало послать нескольких, кхе-кхе... пусть поучатся чему-нибудь, посмотрим на это с другой стороны, хм... – однако извлекая урок из прошедшего, в самом деле, когда начнется драка, он действительно не сможет рядиться в черные маски*!

*黑脸 hēilǎn - в Пекинской опере именно грим лица драматических персонажей отражает характер персонажа, сыгранного актером. Персонажи с черными лицами обычно имели смелые и безрассудные (Чжан Фэй) или самоотверженные (Бао Чжэн) характеры. Значение “черного лица” используется для описания резкости и бесчеловечности.

В это время девятилетняя Чэн Вэй внезапно чихнула, лежащая рядом с ней Шаошан тут же закутала ее плотнее в ватное одеяло, длинно и нудно говоря:

-Если ты еще раз будешь читать ночью книгу, я обязательно расскажу об этом тетушке!

-Вы не разрешали мне читать в экипаже, – пробормотала себе под нос Чэн Вэй.

Шаошан сказала:

-Экипаж трясется при движении, ты читаешь в неустойчивой позе, тебе еще будут нужны глаза в будущем.

-Я сплю среди дня в экипаже А-Гуана и А-Юаня, а вечером в лагере я не могу заснуть, это время как раз подходит для того, чтобы учиться.

Шаошан сказала с застывшим выражением лица:

-Люди накапливают силы вслед за солнцем, начинать трудиться следует с восходом солнца, а прекращать с закатом, а ты перевернула день и ночь. И этим испортишь свой организм, будь осторожна, иначе в будущем не вырастешь! – она сейчас умудрилась так интеллигентно объяснить основные положения биологических часов, поистине потрясаяще!

Чэн Вэй еще барахталась из последних сил:

-В одной книге рассказывалось, что в Западном Шу, есть племя, зарабатывающее себе на жизнь сбором минша в горном ущелье, добывать их возможно только в ночное время. Продолжительность жизни этого племени немаленькая. Тем более я не буду менять день и ночь все время, все станет как прежде, как только приедем в уезд.

-Ты так и не собираешься сдаваться. Но поверишь ли ты мне, если тетя сожжет твои книги? – Шаошан было лень искать терпеливые и искренние наставления, и она стала угрожать.

Чэн Вэй испуганно сказала:

-Сожжение книг – это жестокие поступки из царства Цинь!

-Цинь Шихуанди нанял Хань Фэя, хотя в начале он был непредвзятым, но что же потом случилось с детьми и внуками господина Ханя? – между просвещенными родителями и жесткостью царства Цинь стоит лишь табель успеваемости... Интеллигенция такая простодушная!

-Тогда... когда я вернусь обратно в уезд все перечитаю...

Точно! Маленькая девочка Чэн Вэй была как в тех изречениях «Учиться хорошо, но не так хорошо, как получать удовольствие от учебы» – словно божество, прилежное в учебе. Точно также, как Шаошан унаследовала музыкальный слух от пожилого господина Чэн, Чэн Вэй также передалась по наследству от старого господина Сана привычка прилежно заниматься, не выходя из дома. В то время, в резиденции Чэн Шаошан почти не видела свою младшую двоюродную сестру; а на горе Байлу, исключая школу и библиотеку, мало кто мог видеть старого господина Сана.

Наследственность такая удивительная вещь, аминь.

Еще более удивительными были Чэн Чжи и его жена, это был поистине союз, освященный небом. Один проявляет интерес к древней поэзии – другой прикидывается знатоком искусств; их восприятие настолько живое, что поездка к месту назначения на службу становится путешествием, где наслаждаются красотами природы, навещают друзей, как будто это первые визиты родичей жены родичам мужа.

Встречая в пути знаменитые горы и великие реки или изумительный вид в захолустье, Сан-ши обязательно останавливалась и немного любовалась ими, время от времени слагая рифмованную прозу; Чэн Чжи делал это большим событием, приглашая из окрестностей от трех до пяти знаменитостей, ученых-конфуцианцев, а заодно и их семьи, и эти люди наслаждались пикником, хвастаясь и восхваляя друг друга.

Следуя за Сан-ши, Шаошан научилась другому виду «внешнего эффекта». Не типа простой и грубой семьи Вань, показывающей свои богатства и окруженной множеством слуг и служанок, живущих в свое удовольствие. Вместо этого речь шла о «волнах», собирающихся «разливаться». Волны подобны облакам и текущей воде, разливаются вокруг да около. Шаошан не могла выжать из себя даже толику романтики, однако ей очень нравились такие встречи.

В это время конфуцианцы ничуть не походили своей дерзостью на последующие поколения учеников учения Конфуция, они носили на своей талии длинные мечи, имели широкий кругозор, пили общепринятый алкоголь и могли танцевать с мечами. Содержание бесед не сводилось к девяти способам написания слова «укроп», а к плюсам и минусам государственной политики, процветанию и упадку при прошлых династиях они щедро добавляли слезы радости, если они радовались, или презрительно извергали проклятия.

Хотя пикник и был обычным, а угощение было не более, чем сухофруктами, размоченными в кипятке, и несколько видов жареного мяса, Шаошан, присутствующая в качестве гостя, слушала и наблюдала, и чувствовала широкий кругозор, ясные помыслы, в это время люди, ненавидя и любя, были подобны небу, чистому и высокому.

К тому времени, когда кортеж достиг в Яньжоу главного областного города Чэньлю, Шаошан не только могла уже играть половину наследия старого деда вместе с Чэн Чжи и его супругой, еще она вытянулась в высоту на два цуня, а спереди и сзади приобрела более заслуживающие внимания формы. К тому же из-за занятий искусствами последние несколько дней все ее навыки сильно продвинулись, и она наконец-то обрела внутренние знания, которые уже могла использовать.

Старший помощник начальника округа Чэньлю был другом по учебе старшего брата Сан-ши Сан Юя, Чэн Чжи с женой остановились у него в гостях, и госпожа его семьи, прославившаяся как знаменитая сваха, немедленно захотела сосватать Шаошан. Сан-ши, показывая в полной мере величайшее мастерство, смеялась, говоря: «Моя племянница еще мала по возрасту», однако ее глаза сияли, выражая совсем другое: «Обладая кандидатурой порядочного человека, срочно посадите его за стол, зачем тратить время попусту!».

Если бы не необходимость Чэн Чжи прибыть к месту службы к концу февраля, кортеж, остановившись на небольшую передышку, не покинул бы сразу же Чэньлю, иначе бы жена старшего помощника начальника области собралась бы и устроила банкет для Шаошан, чтобы та познакомилась с несколькими талантливыми юношами.

Таким образом, весь путь, испытывая огромную радость, все члены семьи Чэн ели около костра и пели песни, и в конечном итоге прибыли в Дундзюнь.

А затем жизнь скачкообразно изменилась – перед прибытием к месту службы в уезд Хуа, проезжая через уезд Цин, Чэн Чжи настоял на том, чтобы свернуть по дороге и нанести визит своему шисюну, бывшему главой уезда Цин.

Сан-ши, несколько раз засмеявшись, насмешливо сказала:

–Вы – сокурсники, вступили в должность в граничащих уездах и последние несколько лет практически ежедневно встречались! Что не можешь потерпеть? – сказала она эти слова, но мужу не препятствовала.

–Только что приехав на гору Байлу я был деревенским дикарем, и в действительности, исключая нескольких слов, ничего не знал, шисюн был хорошего происхождения, однако не

тяготился мною. Он не только обучал меня знаниям, но и учил меня, как обладать человеческими качествами и помогать другим, и он действительно и друг, и учитель!

Чэн Чжи окунулся в воспоминания, а Сан-ши продолжала подтрунивать над ним:

-Само собой, потому что старший брат Гунсунь видел, насколько ты родился красивым, однако как человек ты был неописуемо глуп, он не мог смириться с тем, что ты внезапно исчезнешь, и стал присматривать за тобой.

Шаошан про себя перевела ее речь так: шисюн Гунсунь придавал большое значение хорошей внешности.

В это время административное соотношение площадей «уездов» было намного большим, чем при последующих поколениях, тем более у уезда Цин и уезда Хуа – в этих двух уездах крупные уездные центры вмещали в себя десятки тысяч семей. Прежде чем попасть в уездный город, Чэн Чжи удачно пригласил в качестве попутчиков трех старейшин из соседних деревень для компании, Шаошан сопровождала их на лошади, одетая в мужскую одежду, можно сказать, чтобы выполнить сегодняшнюю часть физической нагрузки.

Старейшина по фамилии Ли (деревенские жители называли его дед Ли), напоминавший по виду Майтрейю*, сказал:

-На днях мой сын прислал письмо, что через пару лет он сможет возобновить и закончить обучение, в прошлом, если бы господин Чэн не позаботился о нем, то мой бестолковый сын, глупый по природе... Когда он мог бы закончить образование?

*□□□ Майтрея – один из наиболее популярных бодхисатв во всех направлениях буддизма.

Чэн Чжи сказал со смехом:

-Я с нетерпением жду возвращения моего брата-наставника через несколько лет. Род Чэнь из Хэнани всегда был знаменит, у учителя Чэня есть несколько дочерей, недавно как раз одну за другой их отправили в горы сопровождать родителей, если брат-наставник проучится еще несколько лет, то он будет способен возвратиться к отцу с молодой женой!

Пожилой господин Ли был так счастлив, что даже его борода и усы с проседью едва не приняли форму сердца:

-Если это будет так, то это будет большой удачей для семьи!

Шаошан не смогла стерпеть и вмешалась в разговор:

-И, конечно, благодаря указаниям моего дяди, разве он сам не женился и не вернулся домой с любимой дочерью хозяина горы Байлу?

Все громко засмеялись, а Сан-ши в экипаже не могла перестать смеяться, взяв мандарин и отдернув занавеску, кинула его в Шаошан. Шаошан притворилась, что в нее попали, и неоднократно вскрикнула от боли, вызвав вокруг еще больший смех.

Вся группа говорила и смеялась, и шутила, медленно идя вперед. Увидев издалека городские ворота, у Чэн Чжи внезапно изменилось лицо:

-Что-то не то, что-то неправильное в городе.

Пожилой господин Ли также, вытянув шею, стал смотреть вдаль, с серьезным выражением лица подтвердил:

-И верно, что-то не то!

Чэн Чжи был частым гостем в уезде Цин. В былые времена в это время, перед городскими воротами скапливались шедшие непрерывающимся потоком купеческие караваны, везшие для продажи свой урожай крестьяне, охотники, приносявшие шкуры зверей для оценки, и даже пришлые люди, приходившие искать свою родню, однако сейчас городские ворота были плотно закрыты, перед входом не было не только простого народа, там даже охранников не было!

Сан-ши подняла высоко занавес на экипаже, высунула голову, увидев издалека выражение лица мужа, с дрожью в голосе сказала:

-...ты, ты поедешь в город?..

С серьезным выражением лица Чэн Чжи сказал:

-Боюсь, что у шисюна проблемы, я должен пойти.

Сан-ши не согласилась в сердце, но понимая, что ее муж не будет безучастно наблюдать со стороны, только и могла сказать:

-Я пойду с тобой.

Чэн Чжи, покачав отрицательно головой, сказал:

-Если в городе ничего не случилось, то нет проблем; однако если там тревожно, лучше поехать налегке с несколькими людьми, так удобней передвигаться, если нужно отступить. Я вместе с охраной уеду, остальные члены семьи и солдаты остаются защищать вас.

Шаошан удивилась, она обычно полагала, что третьему дяде нравилось шутить – у него был добродушный характер, он подчинялся жене и не имел недовольства старшим братом, но внезапно произошло большое событие, и он похоже неожиданно превратился в другого человека, поступая ловко и совершенно не затягивая действия.

Чэн Чжи поднял голову и сказал пожилому господину Ли:

-Отец, я хочу доверить тебе жену и детей...

Пожилой господин Ли, склонившись в поклоне, сказал:

-Господину Чэну нет необходимости говорить. Приглашаю госпожу вместе со всем кортежем в мою родную деревню, там есть и глубокие овраги и взрослые военные, и вполне возможно обороняться от беды. К тому же моя деревня окружена густыми лесами и горами, в любом месте можно укрыться и жить.

В это время пребывание в мире было еще недолгим, народ, незадолго до этого переживший смутное время, крепко сохранил его в памяти, и давать отпор врагу и сопротивляться вору стало уже привычным делом.

Чэн Чжи кивнул в знак согласия и сказал жене:

-Ты не бойся, я осмотрюсь и сразу же вернусь.

Сан-ши сквозь слезы закивала головой в знак согласия, протянув руку, вцепилась в широкий рукав пао мужа, сжав его, пока костяшки пальцев не побелели, потом с трудом выпустила из рук.

После супруги расстались, Чэн Чжи, возглавлявший семь-восемь охранников, взмахнув плетью, уехал, пожилой господин Ли тотчас же поторопил кортеж развернуться в сторону своей родной деревни, но Шаошан все время пристально смотрела на городские ворота уездного города Цин, увидела, как Чэн Чжи очень долго стучал в ворота, говоря что-то через ворота, только тогда городские ворота немного приоткрылись, впуская внутрь людей. Только, когда городские ворота плотно закрылись во второй раз, Шаошан отвернулась и отправилась догонять свой кортеж, с одной стороны подстегивая лошадь, с другой стороны чувствуя смутную тревогу в сердце, будто не следует покидать дядю.

Догнав кортеж, Шаошан как раз услышала, как пожилой господин Ли разговаривал с сидящей в экипаже Сан-ши.

-Не беспокойтесь, госпожа, императорский выезд государя только недавно здесь проехал, впереди правитель столичного округа, а позади начальник ворот охраны императорского дворца, отборная гвардия Юйлинь сопровождает их, прошло всего несколько дней с тех пор, как мы покинули округ Цин, кто же такой дерзкий осмелится выступить против вышестоящих!

Сан-ши тихим голосом сказала:

-Мне стало легче от того, что сказал отец.

Шаошан внезапно сказала:

-Тетя, почему бы нам не отправить кого-то, чтобы попросить правителя области Чэньлю прислать войска, даже если напрасно съездят, на худой конец мы можем дать солдатам щедрое вознаграждение.

У Сан-ши прежде было мрачное выражение лица, но, услышав это, она произнесла со смехом:

-Ах, как хорошо жить на широкую ногу. Княжна моей семьи так разбогатела!

Пожилой господин Ли также сказал, смеясь:

-Если даже княжна добьется подкрепления, уезд Хуа отстоит от нашего маршрута следования в двух днях пути, а до Чэньлю всаднику ехать верхом три дня, почему бы не направиться в уезд Хуа?

-Перед отъездом батюшка заставил одного из своих людей принести мне короб, полный денег, - на мелкие расходы мне, я могу их отдать в качестве награды, - сказала Шаошан, - уезд Хуа... Хорошо давайте пошлем гонцов в два эти места, ведь предупрежден - значит вооружен.

Видя ее торжественное выражение лица, Сан-ши подумала, что племянница проницательна и мудра, и немедленно отправила посланников в два разных места с просьбой о помощи.

Проехав некоторое время, люди внезапно почувствовали, как затряслась земля, бешеный топот конских копыт доносился издали, приближаясь к ним, по лицам каждого из людей стремительно разлился страх, последовала череда грубых криков и воплей, а затем из-за горизонта показались двадцать или тридцать разбойников с мечами, спешащих к ним.

Предводитель охранников семьи Чэн отреагировал быстрее всех, тут же громко закричав:

-Построиться в боевой порядок! Защищать дочь господина!

<http://tl.rulate.ru/book/77281/3376525>